

Василий белов

A black and white close-up portrait of an elderly man with a full, grey beard and wrinkles on his forehead. He is looking slightly to the left with a faint smile. The background is dark and textured.

КОГДА
ВОСКРЕСНЕТ
РОССИЯ?

Василий Иванович Белов
Когда воскреснет Россия?
Серия «Политические тайны XXI века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6055875

Когда воскреснет Россия?: Алгоритм; М.: 2013

ISBN 978-5-4438-0276-3

Аннотация

Классик российской литературы Василий Иванович Белов (1932—2012), как истинно русский писатель, всегда остро откликался на события, происходящие в стране. Свое отношение к тому, что случилось в нашем обществе после перестройки, он высказал в публицистике. Хлесткая и горькая, она пронизана болью за судьбу разграбленной и истерзанной Родины, погибшей русской деревни, раздробленного русского народа, который лишили национальной и духовной цельности и самобытности. Предостерегая от опасности иллюзорной надежды на «перерождение» власти, Белов верил в возрождение нашего государства, в то, что русский народ наконец проснется от своей спячки. Читая публицистику писателя, интервью и беседы с ним, понимаешь, насколько актуально и прозорливо его слово, с течением времени не только не теряя своей силы, а становясь все более значимым для национального самосознания.

Содержание

Служба Василия Белова	4
Часть первая	9
Догорающий Феникс	9
Двухвековой юбилей Пушкина	22
Гримасы двуликого Януса	45
Архитектура и государство	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Василий Иванович Белов

Когда воскреснет Россия?

Служба Василия Белова

Я познакомился с Василием Ивановичем Беловым в 1970 году. В составе советско-болгарского клуба молодой творческой интеллигенции (был в то время такой клуб, созданный комсомолом и делавший чрезвычайно полезные дела, одно из которых и, пожалуй, главное – правильно ориентировать в искусстве и жизни и сводить вместе молодые русские таланты) – так вот в составе этого клуба встретились мы в самолете, летевшем во Фрунзе, теперешний киргизский Бишкек, а там поселились в одном гостиничном номере. И этот день оказался днем рождения Василия Ивановича. Мы решили отметить его вдвоем и, чтобы не разглашать факт такого события, заперлись в номере. Но надолго ли хватит русского человека для сокрытия подобного факта – и уже часа через полтора дверь наша, как и душа Василия Ивановича, была нараспашку, а в номере стоял густой гвалт.

Почти все, что печаталось у Белова, я к тому времени знал. Прочитал и книжку рассказов под названием «За тремя волоками», и «Привычное дело», и «Плотницкие рассказы», и «Бухтины вологодские». Белова читала тогда вся Рос-

сия, не зная его считалось неприличным. И я, только-только начинавший писать, вчитывался в его страницы особенно внимательно, пытаюсь разгадать магию его слова.

«Деревенская литература», как мы помним, начиналась с публицистики В. Овечкина, А. Яшина, Г. Троепольского, Ф. Абрамова, Е. Дороша... Потом пошла проза тех же имен да еще В. Тендрякова, Б. Можая, В. Астафьева, необычайно богатая по слову, живая, полнокровная, народоносная, но и несколько суровая, как и сами авторы, за исключением, пожалуй, В. Астафьева, несколько «настоятельная». Василий Белов (еще Е. Носов и В. Лихоносов) внесли в нее чувствительность, нежность, особую душевность и сладость деревенской жизни.

Сколь многие тысячи, уверен, миллионы не смогли сдержать сердобольных слез над судьбой Катерины и Ивана Африкановича, над участью коровы Рогули, такого же члена их большой, спаянной природным единородством семьи, и сколь многие до слез смеялись над завиральными бухтинами Кузьмы Ивановича Барахвостова и над нешуточным соперничеством, пронесенным сквозь всю жизнь, Олеши Смолина и Авинера Козанкова. Благодушно и мудро с первых же своих работ Василий Белов как бы уравнивал жизнь: сколько в ней трудностей, горя, отчаяния, столько и радостей, счастья, надежды. Можно, конечно, задаться вопросом: где они, эти благодатные слезы над могилой Катерины и над рассказами Олеши Смолина, почему не дали они урожайные всхо-

ды, если в конечном итоге все свелось к тому, что мы сегодня имеем? И где оно, благотворное и учительное влияние литературы, если густой чащей взойшли развращенность и жестокость? Да ведь не нам знать, что случилось бы с людьми без этого учительства и без этой молитвы и можно ли сегодняшние нравы принимать за окончательный результат? Может быть, по-прежнему «нам не дано предугадать...».

За тридцать с лишним лет нашей с Василием Ивановичем дружбы и однополчанства в литературе я только все более убеждался в том, что удалось увидеть и разгадать в нем с первых же встреч. Чистую, почти детскую душу, для которой мир и его обитатели не могли сноситься, как у иных, до ветхости (качество для писателя бесценное), — душу, которую он точно бы и сам стесняется в своем почтенном возрасте, маскирует ее в строгость и ворчание и никак не может замаскировать. И неизменную цепкость в наблюдениях над всем происходящим, неиссякаемый интерес к большому и малому вокруг, желание участвовать в событиях, вмешиваться во все, что происходит не по чести и совести. Неистовость в работе, способность быть хозяином времени с помощью жесткого распорядка, талант, помимо художественного, вовремя увидеть главное и выстроить свое «собрание сочинений» в точном соответствии с импульсами духовной и социальной судьбы народа. И справедливое, нисколько не завышенное, но и нисколько не заниженное ощущение своей особливости и значимости, способность распорядиться сла-

вой не для себя, а для общего дела.

Я бывал у Василия Ивановича в Тимонихе и видел, с каким почтением и с какой любовью относятся к нему земляки, с которыми он знакомил меня, как радетельный староста, в чьем распоряжении оказались хозяйственные и личные заботы односельчан. Я бывал в Тимонихе, а он дважды приезжал ко мне на Байкал и, уже защитив свои северные реки от поворота на юг, помогал защищать и наше «славное море». В Югославии перед поездкой из Пале от Радована Караджича в Сербскую Краину нас предупредили, что дорога опасна и проходит она через линию фронта, но Белов только еще упрямей сдвинул брови: поедем. За городом Брчко, обезлюдевшим и затянутым дымом пожарищ, по нашему микроавтобусу принялись лупить с обеих сторон, со стороны хорватов и со стороны мусульман, а у Василия Ивановича загорелись от возбуждения глаза, когда шофер, маневрируя, то резко тормозил, когда нас брали «в вилку», то бросал вперед машину на огромной скорости.

В 1989-м мы сознательно пошли в народные депутаты, чтобы не оставаться сторонними наблюдателями того, как «перестроечную» страну терзают обнаглевшие «ястребы» и «крысы», а Василий Иванович пошел еще и в Верховный Совет. Дважды мы вместе напрашивались на прием к Горбачеву, надеясь добиться ответа, что происходит, и Василий Иванович всякий раз прихватывал с собой с просветительской целью малоизвестные тогда книги Ивана Ильина и Ива-

на Солоневича. Наивные люди, мы еще питали надежду, что подобных-то знаний, вероятно, не хватает президенту, чтобы разобраться, куда править и с кем водить дружбу. Входя первым, выталкивая перед собой массивную тяжелую дверь, Белов сердито говорил Горбачеву: «Что это у вас дверь такая тугая?»

В 91-м, в начале сентября, он сказал в телекамеру, когда рассчитывали застать его растерянным и испуганным: «Сожалею, что моей подписи не оказалось под «Письмом к народу». Я и сейчас готов его подписать».

Писательство для Василия Белова – это заступничество за народ перед сильными мира сего и против подлых этого мира. Все, что написано Василием Ивановичем – от «Привычного дела» до «Канунов» и от детских рассказов до публицистики последнего десятилетия, от первой книжки стихов и до воспоминаний о Шукшине и Гаврилине, с которыми он был очень дружен, – все в воспитание, остережение и защиту своего народа. Иной службы для себя Василий Белов не знал.

Валентин Распутин

Часть первая

Раздумья о дне сегодняшнем

Догорающий Феникс

С чего начиналось уничтожение вековой крестьянской культуры? Конечно, с попытки окончательного уничтожения религиозного православного сознания.

Большевики наивно предполагали, что с физическим уничтожением православных священников и православных храмов исчезнет и православное сознание. Гражданскую войну они продолжили войной против Церкви, что неминуемо привело их к новому противостоянию с русским (и не только русским) крестьянством, а, следовательно, и крестьянской культурой. Тысячи монастырей были переоборудованы в тюрьмы и концентрационные лагеря. Тысячи каменных церквей и соборов были взорваны и разобраны. Тысячи деревянных часовен были превращены либо в агитпункты, либо в ларьки для алкогольной торговли. Те культовые здания, что остались, были закрыты и осквернены.

Но храм для крестьянской общины (деревни, села, прихода) был средоточием жизни. Вокруг него формировались не только духовное поле, культурно-бытовая аура, но даже

и чисто материальная, архитектурная среда. Вертикаль, венчающая деревенский пейзаж, являлась зримым, вполне осязаемым воплощением вертикали бытовой и культурной. Деревенские природно-стихийные певцы естественно участвовали в церковных хорах, изучали нотное пение, художники не только любовались церковной живописью, но и сами тянулись к творческому созиданию, к чему-то более высокому и совершенному. Суворин, редактор дореволюционной газеты «Новое время», в письме к философу и писателю В. В. Розанову напоминает, что лишить Россию православия – это все равно, что лишить каждую деревню оперного театра. (В таком сравнении чувствуется смещение в иерархии ценностей, но оставим это на совести самого Суворина.)

Одной из главных задач большевистского Агитпропа, а также Союза безбожников, возглавляемого Ем. Ярославским, было разорвать годовое кольцо православных праздников. Для этого в сельский и городской быт всеми силами внедрялись новые атеистические праздники вроде дней международной солидарности. Затем, уже при Хрущеве и Брежневеве, то и дело учреждались всевозможные ДНИ, вплоть до Дня торговли, милиции, нефтяника и т. д.

Надо признать, что задача, поставленная Ярославским, не была решена. Праздники, которые русским народом праздновались со времен св. Владимира, остались в народном быту. Их можно было уничтожить только вместе с самим народом, к чему стремились большевистские культуртрегеры,

что, на мой взгляд, в значительной степени и произошло.

Отмена традиционных праздников в России была всего лишь частью централизованной борьбы с крестьянской культурой, проявляющейся в земледелии, в строительстве, в художественных промыслах, в семейном укладе, в песенном творчестве и т. д. Преследовались даже традиционная народная пляска и традиционные музыкальные инструменты. Но главный удар по русскому народному творчеству нанесли клубная деятельность и так называемая художественная самодеятельность. С помощью клубов, изб-читален, «красных уголков» большевики взяли под властный централизованный контроль всю крестьянскую культуру да, пожалуй, и всю народную жизнь. Коварство заключалось в том, что клубная сцена тотчас разделила народ на исполнителей и зрителей. Если раньше такого разделения не было, если в уличном хороводе участвовали буквально все, и это не противоречило лидерству и проявлению индивидуальной талантливости, то теперь большинству народа отводилась пассивная роль зрителей. Сцена, клубные подмостки четко противопоставили активного исполнителя и пассивного слушателя (зрителя). Эта активность меньшинства имела зачастую политический оттенок. Без уличного всенародного хоровода или гулянья творческие задатки большинства подсыхали на корню, вырабатывалось стойкое культурное иждивенчество. Другая (малая) часть населения, представленная так называемой «художественной самодеятельностью», развращалась под всеоб-

щим вниманием, а под усиленным идеологическим контролем сверху быстро теряла свой культурный и творческий потенциал. С появлением радио и кинематографа клубная деятельность захирела и сузилась.

Особенно значительными оказались потери крестьянской культуры в музыкальной сфере и в сфере художественных промыслов. За короткий срок почти совсем исчезла великая стихия русского мелоса. Через кино, радио и телевидение была навязана иная музыкальная стихия, чуждая не только крестьянскому, но и всему народному духу, его менталитету, как принято сейчас говорить.

Традиция русской крестьянской общины совмещала (и очень прочно) бытовые, трудовые, религиозные, фольклорные особенности крестьянской жизни. Взаимосвязь, тесное и причудливое переплетение одного с другим, невозможность существования одного без другого – характерная черта всей крестьянской культуры. Труд не выделялся из быта в нечто самостоятельное. Все бесчисленные формы и проявления можно смело назвать трудом, и, наоборот, большинство трудовых процессов на гумне, в поле, в доме имели фольклорно-бытовые и потому неназойливые черты, благодаря чему даже тяжелый мускульный труд приобретал свойство не тяжелой обязанности, а лишь повседневной привычки. И все это сопровождалось словесным, музыкальным, изобразительным и прочим творчеством, все дополняло и усиливало друг друга, образуя прочнейший монолит народ-

ной культуры. Сложная многокрасочность, «кристаллическое», так сказать, многообразие, многогранность составляющих ничуть не вредили единству. Наоборот – содействовали. Большевики в жажде РАЦИОНАЛЬНОГО УПРОЩЕНИЯ устранили многообразие крестьянской жизни. Сократились и выцвели не одни только праздники, обеднели и сами будни. Молот технического прогресса довершил дело: крестьянская культура начала стремительно растворяться в едких растворах технической цивилизации. Коллективизация и нарочитая урбанизация, судорожная «тракторизация» и безграмотная химизация – все эти неестественные процессы были навязаны крестьянству извне, навязаны централизованно и весьма настойчиво. Насилие над крестьянской культурой, навязывание народу иного жизненного стиля, иных поведенческих мотивов отнюдь не ограничились периодом коллективизации и раскулачивания (1928—1930 гг.). Менялись лишь формы угнетения и способы грабежа. Реквизиции, расстрелы и тюрьмы дополнились лесозаготовками, трудгужповинностью, налогами и поставками.

Война, разумеется, усугубила физические и нравственные страдания русского, украинского и белорусского крестьянства, ускорила его численное сокращение. Геноцид продолжался. Методы Розенберга (его теоретические изыскания и рекомендации оккупационным немецким властям) по сути не противоречили недавним действиям Кагановича на Украине и Юге России.

После войны сидевшие в ученых и управленческих креслах наследники Троцкого – Кагановича продолжили классовую линию по отношению если не ко всему крестьянству, то по крайней мере к народной, крестьянской культуре. В экономическом смысле эти деятели лишь трансформировали политику 30-х годов. Коллективизация продолжалась на ином уровне. Шло как бы перманентное раскулачивание. При Хрущеве государство раскулачивало уже не семьи, как бывало в 28—30-х годах, а раскулачивало, объединяло (коллективизировало) уже сами колхозы. Чуть позже по рекомендации группы ученых (под руководством академика Заславской) правительство объявило НЕПЕРСПЕКТИВНЫМИ многие тысячи крестьянских селений. Что значила эта псевдоурбанизация при жесткой плановой экономике – не так уж и трудно представить. В моем родном Харовском районе с 1950 по 1982 год число крестьян сократилось более чем в два раза (в 1959 г. было 30,5 тысячи, в 1982 – 14,5 тысячи). Примерно за это же время (плюс военное время) в Вологодской области пашенная земля (несмотря на все возрастающее количество тракторов) сократилась на 400 тысяч га, заросло кустарником 250 тысяч га покосов, площади пастбищ, по данным ЦСУ, уменьшились с 815 тысяч до 317 тысяч га.

В послевоенной деревне условия стойкой оседлости были окончательно уничтожены. Вымирание и миграция крестьянского населения настолько ослабили общинные и се-

мейные связи, что преемственность поколений в трудовом, нравственном и художественном воспитании молодежи совершенно исчезла. Сократилось число детей в семьях. Участились разводы, стала модной супружеская неверность. Ужасающую бедность правящие круги уравнивали массовым спаиванием: эта дьявольская симметрия создавала видимость социальной устойчивости. (Цифры, характеризующие потребление полуголодным народом крепких алкогольных напитков, фантастичны). Нравственное и физическое изнурение крестьянства усилено было двойной, совершенно непосильной трудовой нагрузкой – днем надо было работать в колхозе (для содержания городов и рабочих поселков), вечером и ночью – на приусадебном участке (для собственного жизнеобеспечения). Но даже в такой обстановке, когда нечего есть, не во что обуться, когда физическая усталость и просто нет свободных минут, не обрывалось в нашем народе извечное стремление к добру и ко всему прекрасному...

Беспристрастной науке еще предстоит изучение интереснейшего явления в государственной политике пришедших к власти марксистов. Речь идет о постоянном несоответствии интересов большевистского Агитпропа экономическим устремлениям правительства. Это противоречие сказывалось повсюду и на каждом шагу. Почти все действия Союза безбожников, ЧеКа, движения «Синяя блуза», комсомола, юных пионеров и прочих более мелких подразделе-

ний Агитпропа, который насаждал так называемую «новую» и выкорчевывал так называемую «старую» культуру, шли во вред экономическому здоровью общества, хозяйственному благополучию государства. Экономические успехи, достигнутые не без помощи штурмовщины, кампанейщины, каких-то партизанских наскоков, то и дело оборачивались провалами, бесполезной тратой народной энергии.

Марксистская идеология вошла в жесткое противоречие с народной, в том числе с крестьянской культурой. Стройная многоступенчатая система идеологического оболванивания, руководимая космополитской верхушкой, опиралась на местных активистов. Умный и от природы талантливый активист испытывал мучительное чувство двойственности: на митинге говорил одно, дома или в гостях у родни – совсем иное. На семинаре в городе учат силосованию, дома в деревне приходится косить на сено и т. д. По этой причине талантливые активисты, искренне присягнувшие марксизму, частенько попадали в тюрьму, и на их месте тотчас же оказывались нечистоплотные авантюристы.

В 20—30-х годах централизованный симбиоз ЧеКа – Агитпроп родил отвратительную систему рабкоровского движения. Полуграмотные и нравственно ущербные люди, оказавшись в тайных списках рабкоров, писали в редакции газет обычные доносы. Эти подлые сообщения печатались в газетах без подписи под различными псевдонимами. Такие печатные сообщения сопровождались немедленными

репрессиями, реквизициями и даже расстрелами. От одной безграмотной записки какого-нибудь «Гвоздя» или «Шила» начиналась в сельской общине цепная реакция злобы и ненависти. Нравственные противоречия между честными и жуликами, между трудолюбием и ленью большевистская пропаганда выдавала за классовую борьбу в городе и в деревне.

Наряду с физическим развращением молодежи (спаивание, свобода добрых половых отношений, аборты) происходило развращение иного рода: нравственная порча духовно крепких, давно сложившихся личностей, например, ИСКУШЕНИЕМ ВЛАСТЬЮ. В понимании русского крестьянина личная власть – весьма опасное дело. Здравомыслящий человек никогда к власти не стремился. Лишь в том случае, когда крестьянский сход (мир, общество) ПРИГОВАРИВАЛ человека к власти (староста, бригадир, председатель колхоза), лишь в таких вынужденных случаях духовно не опустошенный человек соглашался стать местным лидером, руководителем, т. е. обладающим властью. Разница между нравственным и безнравственным человеком весьма определенная, если говорить о личной власти: один искренне всеми силами отказывается, когда его ставят, например, в бригады, другой же напрашивается сам (либо стремится стать бригадиром тайно, с помощью интриг). Мир же (крестьянский сход, общее собрание) – прекрасно чувствует эту разницу и всеми известными ему средствами стремится поставить в начальники именно первого, а не второго. В нормаль-

ных условиях обуреваемый тщеславием и жаждущий власти замолкает, а между крестьянским сходом и крестьянским избранныком происходит короткая, но достаточно драматическая борьба, похожая на ритуал крестьянской гостьбы, когда хозяин, поднося чарку, из всех сил потчует гостей, а гости всячески отказываются пить (выигрывают все, а более всего – народная нравственность).

Древнейшие традиции крестьянского схода были вначале извращены с помощью института уполномоченных, затем и вовсе похерены, когда удобные и компактные хозяйства правительство объединило в громадные неуправляемые или перевело в совхозы, где, как на фабрике, действует непререкаемая власть директора.

От русского схода ничего не осталось, поскольку совхозные собрания проходили под руководством районных уполномоченных и милиционеров. Председатель колхоза был фигурой вполне трагической, потому что находился между антинародной властью и самим народом. Народ стремился поставить в руководители честного и опытного, но честный человек вынужден был обманывать вышестоящую власть. Иначе он бы не мог сохранить народное доверие и народное уважение. Такой человек либо очень скоро уходил с поста, либо развращался. Искушение властью выдерживал далеко не каждый. Поэтому в колхозах царила хозяйственная неразбериха, процветала кадровая обезличка, вызванная постоянной сменой кадрового руководства. Так, в моем родном кол-

хозе за период с 29-го года по 70-й побывали в председателях более тридцати человек. Они сменялись чуть ли не ежегодно, причем вовсе не обязательно на годовом отчетном собрании. Колхозная действительность то и дело опровергала старые истины вроде той, что «на переправе коней не меняют». В деревне Тимонихе еще до войны в бригадирах побывал едва ли не каждый мужчина. (После войны бригада в Тимонихе исчезла, т. к. сократилась, а мужчины погибли, ни один с войны не вернулся.)

Итак, новая марксистская идеология оказалась для крестьянства смертельной, она и вытеснила древнейшие разнообразнейшие проявления крестьянской культуры. От христианского прихода ничего не сохранилось, от крестьянской общины остались одни отголоски, жалкие и тем не менее жизнеспособные росточки мощной и самобытной культуры.

Церковные и бытовые обряды, народные обычаи, существовавшие еще с дохристианских времен, копившиеся веками трудовые навыки, ремесла и художественные промыслы – все это было или уничтожено, или обескровлено. Священника на селе заменил комиссар (позднее – парторг). Крестьянский сход уступил свое место митингу.

Индивидуальное соперничество в быстроте и качестве труда Сталин умело использовал для внедрения потогонного соцсоревнования, которое очень быстро выродилось в бессмысленную погоню за дурным количеством.

Возрастная и семейная иерархия подверглась дискреди-

тации и осмеянию на государственном уровне. Женщин из всех сил пытались противопоставить мужчинам, молодежь – старикам, детей – родителям.

Нравственные понятия извращались даже с помощью экономических рычагов (налог с холостяков). Вспомним частушку недавних лет.

Задумчивая подруга,
До чего мы дожили:
Которо место берегли,
На то налог наложили.

Нынче способы уничтожения народной крестьянской и вообще национальной культуры завершились полной механизацией идеологической обработки. Кино, радио и телевидение сделали ненужными «красные уголки», «стенгазеты», «черные» доски. Теми же электронными средствами была свершена стремительная подмена богатейшей музыкальной и песенной крестьянской культуры эрзацами культурной химеры.

Произошло отчуждение народа от собственных культурных источников, и это отчуждение сродни отчуждению крестьянина от земли. В культуре, да и вообще в жизни, появились уже элементы и признаки резерваций, когда подлинным и массовым ценностям национальной (крестьянской) культуры придается как бы музейный, т. е. частный характер.

Внимательному наблюдателю нынешнее состояние дел в

стране не внушает пока оптимизма: демократический натиск на крестьянскую культуру ничуть не слабее коммунистического.

Погром все еще продолжается.

Явственно видно, как догорают последние золотые перья сказочной птицы Феникс...

Двухвековой юбилей Пушкина

«Емеля, Емеля! – думал я с досадою. – Зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучшие ничего не мог бы ты придумать».
А. С. Пушкин. «Капитанская дочка»

Не так давно, чтобы обмануть бдительных демократических цензоров, покорный ваш слуга пошел на мелкую хитрость: вздумалось ему с помощью «Парламентской газеты» привлечь внимание законодателей к Льву Александровичу Тихомирову. Затея была не столько забавна, сколько бесполезна. Депутатам не до государственного строительства... Читать такие толстые книги им лень, да и времени нет. Но кто знает? Из нескольких сот современных политических деятелей, патриотов-депутатов и губернаторов, болеющих за судьбы России, может быть, хоть один-два внимательно прочтут книги Тихомирова, изданные журналом «Москва». Нельзя сказать, что в современной России совсем не издаются нужные и толковые книги. Но фигура умолчания зловеща, хотя и кратковременна...

Л. А. Тихомиров говорил, печатаясь в журнале «Русское обозрение» и полемизируя с русскими либералами еще в конце XIX века (то есть более ста лет назад): «...от варварского очарования внешним блеском культуры у нас обыкновенно оказывались способны отрешаться только крупней-

шие наши люди – Герцен, Достоевский, граф Л. Толстой». Этот список, конечно, можно было начать с великого Пушкина, двухвековой юбилей которого Россия пытается праздновать. Почему использовано слово «пытается»? Можно бы всерьез поспорить на эту тему... Отложим спор до лучших времен. А пока отметим, отпразднуем этот величайший юбилей настолько, насколько мы в силах... Беда в том, что русские вообще относятся к юбилеям спустя рукава.

Поезжайте в любую сторону сильно урезанной современной Руси! Человека, не помнящего, сколько ему лет, вы встретите в любом городе, в любой деревне. Спросишь: «Бабушка, сколько тебе лет?» – «А Бог знает», – скажет она, носом пошмыгает и начнет вспоминать, кто крестил, да какая шла война, кто из родных сам пришел домой, а кого привезли, а кто так там и остался. Отец, муж или брат родной тотчас встревожат старухе чуткую, даже острую память, но сколько ей самой лет, она так и не вспомнит. Все ее круглые даты, то бишь личные юбилеи, пролетали мимо нее. Пословица «счастливые часов не наблюдают» произошла очевидно от этого свойства простонародного быта, но сказать, что старуха прожила счастливую жизнь, было б явной натяжкой. Да и что значит «счастливая» жизнь? Сие тоже еще неизвестно... Равнодушие православного человека к своему возрасту непонятно для русских атеистов из «культурной», интеллигентной среды, ежегодно отмечающих свои дни рождения. Иностранцы же, особенно те, что подобно Адольфу

Кюстину, приезжают в Россию с неблагоприятными целями, считают такую «забывчивость» признаком «русского варварства». Другой Адольф оказался пострашней Кюстина. Пушкинскую «Капитанскую дочку» этот также вряд ли читал, а если и читал, то ничего в ней не понял. (Один Савельич растолковал бы фюреру о русском характере больше, чем Кант и Ницше вместе взятые.) Да что говорить про закордонных ницшеанцев, если и сами-то русские патриоты подзабыли Савельича, Петрушу Гринева, капитана Миронова! И студентам прославленных университетов, и думским говорунам, и академическим философам простодушно кажется, что все это они давно знают, проходили, дескать, еще в семилетней школе.

Само собой, наплевать бы нам подряд на всех адольфов, но вспомним, что и у «варваров» России, и у «цивилизованных» европейцев отсчет времени идет с Рождества Христова. Не знаю, как считают свои века буддисты, магометане, евреи, а христиане отсчитывают свои века именно так. Сказать иначе, с того момента, когда в пещере, среди домашних животных девой Марией рожден был Богочеловек. (Читай о веках у митрополита Иллариона в его «Слове», переложеном на нынешний язык Юрием Кузнецовым.)

Православный пастух (он же и хлебопашец) в трудовом годовом цикле ориентировался постами. Время именовалось неделями. Горожанин также мерил свою жизнь неделями, вернее, промежутками между двенадесятьми празд-

никами. Каждый день в неделе ознаменован был именами святых мучеников и страстотерпцев. Но поскольку в основании православной веры всегда лежала борьба с многочисленными страстями, то день рождения младенца и называется Днем Ангела. Иногда родители, не соглашаясь со святыми, выбирали ребеночку другое имя, и тогда день рождения не совпадал с Днем Ангела. Однако отмечали всегда не дни рождения, а именины. Имя святого, данное человеку во время крещения, свято чтилось и сопровождало каждого до гробовой доски, уж таково наше русское «варварство»... До того ли было христианину – хлебопашцу и пастуху, чтобы праздновать свои круглые даты, считать, сколько прожито лет, отмечать свои юбилеи? Иное дело дни святых либо царствующих монархов.

Унаследовавшему крестьянское отношение к своему возрасту, мне всегда казалось, что празднование юбилеев – занятие суетное. Примерно так думалось и о писательских юбилеях. Ничего, бывало, не стоило пропустить, не заметить среди будней любую круглую дату, например, толстовскую или тютчевскую. Только не пушкинскую!

Интерес к русским и зарубежным писателям у меня все время менялся. Так, еще в юности увлечение Салтыковым-Щедриным вдруг исчезло, сменилось полнейшим к нему равнодушием, если не сказать больше. Меняется этот интерес и сейчас, порою довольно резко и очень часто в худшую сторону. Подобная метаморфоза произошла в свое вре-

мя с Маяковским. (Точнее, со мной.) Место, занимаемое Вл. Маяковским в моей душе, неожиданно занял Есенин. Впрочем, почему неожиданно? Просто после долгого замалчивания и шельмования, Сергея Есенина начали понемножку печатать и пускать на библиотечные полки. Тогда же примерно я расплевался с Беранже, Сельвинским, Багрицким и т. д. Но и к Есенину впоследствии я не то чтобы охладел, а как-то об него... в некоторых местах подзапнулся. С Блоком, Достоевским и Тютчевым вышло как раз наоборот.

В чем причина такого непостоянства?

В детстве смена симпатий зависела от книжного и хлебного голода, от потухшей вечерней лампы, от утреннего угара в зимней избе. Иными словами, от случайностей. Мои сверстники научились, положим, читать и при лучине, если она была березовая. (Соседский мой тезка Вася Дворцов потерял из-за этого зрение.) Но мы страдали больше не от лучинного едкого дыма, страдали больше от того, что книг вокруг не было столько, сколько хотелось. Добывались они подчас вполне детективными способами. То, что попадалось, то немедленно и поглощалось, независимо от угара в избе. Читалось все, вплоть до родословной колхозных быков-производителей или сельповского прейскуранта. Злополучная история с радищевским «Путешествием» где-то уже рассказана мною, пушкинская статья подтвердила мое детское мнение об этом писателе, и я начал тщеславиться, задрал нос, но Пушкин же меня и одернул позднее:

Зачем же так неблагосклонно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких душ неосторожность... т. д.
«Евгений Онегин»

Непостоянство объяснялось не только случайностями колхозной жизни, принадлежащими детству. В ранней юности читательские интересы менялись уже не столько от все большей свободы книжного выбора, сколько от стихийно крепнущих эстетических устремлений. Одно другому, кстати, не мешало, а как раз друг дружке содействовало, так и просится на язык не русское слово «корреляция».

Одних писателей я уже крепко любил, других так себе, но и любимых авторов, как ветреная дамочка, мог разлюбить в любую минуту. Третьи вовсе не трогали моего сердца и лишь значительно позже становились полновластными его хозяевами. В шестом классе я мог порвать с некоторыми «захватчиками», зарождалось качественно иное чтение – критическое.

С такой возможностью и читались уже все последующие книги. Больше того, началось сопротивление каждому автору. Внутренне, неосознанно, оно ощущалось и до того, то есть в начальной школе. Теперь это сопротивление стало уже осознанным. Виновниками такой перемены оказались мно-

гие персонажи, вроде жаровского гармониста (как его? Тимошка, что ли?), горьковского Челкаша.

Маяковский чистил себя «под Лениным». Станный, впрочем, способ интеллектуальной гигиены! Подмял он, Маяковский, меня под себя основательно еще в детстве, и я с трудом выбирался из-под такого верзилы. Подсобил в этом не кто иной, как А. С. Пушкин.

В зрелые (солдатские) годы я был свободным от всех авторов, от всех писателей, даже весьма талантливых. По крайней мере, так мне казалось, что свободным. Померк тогда аж сам Горький. Приходили и уходили Некрасов, Толстой, Лермонтов, Достоевский. Один Пушкин был бессменным постольцем в моей душе, «оккупантом» моего сердца и головы! Одному ему я почти никогда не сопротивлялся! Он был как воздух или питьевая вода, без которых не проживешь. Сопротивляться Пушкину? Затея вообще дикая, бессмысленная, она не приходила даже в голову. Лишь Александру Сергеевичу я стал вечным рабом, он как Бог владел мною еще тогда, когда меня не существовало на свете!

...Уже несколько лет прошло, как умерла Анфиса Ивановна, а мне все еще кажется, что матушка жива, что с нею мы просто в разлуке, что я от нее уехал и живу в другом городе. Стоит лишь сесть в поезд и приехать к ней, мы с ней опять и поплачем, и посмеемся. То же ощущение с Пушкиным, как будто он живет во плоти и можно позвонить ему в любой день, как звоню я друзьям в Краснодар либо в Ир-

кутск...

«Имея мало истинной веры, он имел множество предрас-судков», — сказано о герое «Пиковой дамы». Когда-то я боялся и не любил эту повесть... Теперь все воспринимается по-иному. Четкая мысль о рабстве, ненавистная для атеиста (а в этом ранге я прожил половину своих шестидесяти), родилась только теперь, то есть задним числом. И я, не стыдясь, говорю о таком божественном рабстве. Не без помощи Пушкина отделил я и понятие веры от знания!

Человек мыслящий еще не значит, что он уже верующий, веру невозможно проверить мыслью, она, вера, выше мысли и чувства, вместе взятых, она ничем не может быть объяснима. Рациональному уму делать тут совсем нечего... Говоря грубо и коротко, с помощью Пушкина я медленно выкарабкивался из-под марксистской тяжести.

* * *

Еще не читана «Капитанская дочка», не говоря про «Евгения Онегина», а «Гавриилиада» уже побывала в моих руках. Заботливо подсунутая Луначарским мальчику-мечтателю, она, разумеется, сделала свое черное дело. Как это получилось? Для чего? Далее надвинулась на подростка небезызвестная Ниловна, начали морочить голову смутные сны Веры Павловны. В армейские, самые плодотворные годы, осенила меня зловещая тень Писарева. Наконец явился сам Ев-

тушенко...

Рапповские университеты и заклинания диссидентских писателей, увы, не подсобляли жить нашему поколению. Мы двигались во многом наощупь, лишь сердцем чуя, где свое, где чужое. Интернациональные кандалы не давали ступить шагу, чужебесие ядовитым туманом висело над всеми нами.

Что бы мы делали без Александра Сергеевича!

Подражая Николаю Первому, простившему Пушкину «Гавриилиаду», забудем и мы его юношеский атеизм. Пыл карбонария он умерил в себе сам, без чьей-либо помощи, не предав при этом ни идеалов свободы, ни погрязших в масонстве друзей-декабристов:

Безумных лет угасшее веселье

Мне тяжело, как смутное похмелье.

Не странно ли, что с годами, с выбором чтения, в том числе и пушкинского, я постепенно превращался в идеалиста? Жаль, что не произошло этого раньше... Если же говорить о свободе, то зададимся хотя бы таким вопросом: кто более свободен, идеалист или материалист? Можно было и не освобождаться из жестких объятий безбожной догмы, которую называли свободой наши менторы. Можно было кое-что делать и будучи скованным истматом и диаматом. Не думать ни о смерти, ни о бесконечности мира. Можно было бы даже кое-что делать, считая себя творцом, сочинять и тешить

себя, как тот пушкинский чижи́к:

Забыв и ро́щу и свобо́ду,
Нево́льный чижи́к на́до мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью те́шится живо́й.

В этом стихотворении про несвободного чижи́ка всего четыре строки...

Разумеется, в детстве, и даже в юности, нашему поколению Лев Тихомиров с Иваном Шмелевым не попадались. Попадался и довольно часто «Мистер-твистер» либо какой-нибудь «Мойдодыр», либо «Тянитолкай». Хорошо, что у Лукоморья вокруг мощного дуба бродил уже по цепи кругом ученый кот. Думал я, дивился, какой же большой этот ученый кот, если ходит по цепи. Рисовал я его на газетных полях, потому что тетради себе мы сшивали из газет. Следы невиданных зверей, белку с орехами я дорисовывал в своем сердце, забывая, что все это Пушкин... И тридцать прекрасных витязей уже выходили чредой из моря, и плескалась уже в этом море золотая рыбка, и мальчишка уже возил свою Жучку в салазках, и гусь на красных лапках ступал «на лед, пытаясь плыть по лону вод». Пушкин бесстрашно боролся в моей душе с Чуковскими всех мастей. И, разумеется, побеждал.

В детстве испытывал я необъяснимую, неосознанную обиду за умершего от раны Александра Сергеевича. В юности

эта обида была осмыслена через стихотворение Лермонтова. Как ни странно, мы даже учили эти стихи наизусть. Традиции русского просвещения были еще не совсем загублены, хотя горечь и гнев против убийц Пушкина враги России искусно направили против царя и «толоконного поповского лба» – русский народ был облапошен. Оказалось позднее, что и царь был облапошен. Иначе почему Николай Первый терпел около себя таких мерзавцев, как Нессельроде? Ведь этого проходимца государь сделал аж государственным канцлером.

В седьмом классе, помнится, учили мы наизусть стихотворение «Песнь о вещем Олеге». Тяжеловесная славянская лексика не мешала детскому восприятию. Однажды мой одноклассник Евсташа Ларионов на большой перемене вбегает в класс и торжественно заявляет: уроков больше не будет. А веселый Коля Задумкин ехидно произносит: «Ох, Ларионов, презреть бы твое предсказание». Евсташку голод и холод, пережитые в детстве, давно загнали в могилу, а Коля Задумкин жив, но ознобленный чернобыльской пургой, мается от радиации где-то на чужбине.

Иногда при случайном чтении стихи Майкова, Баратынского, Фета, Тютчева мы восторженно приписывали Пушкину и даже слегка разочаровывались, когда узнавали об истинных авторах. Так велико было «магнитное поле» вокруг Пушкина! Он, и будучи в могиле Святогорского монастыря, созидал русскую поэзию. Сколько народу эхом отозвалось на

его краткую жизнь, ослепительно вспыхнувшую во имя России, звучащую по сие время в иных глаголах!

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва...

Нет, Александр Сергеевич, отзыв был, и он никогда не исчезнет...

За Пушкина и сейчас обидно чуть не до слез... Кто провоцировал его на дуэль? Наука не спешит с выяснением. Почему петербургская знать не оценила Пушкина при жизни? Отчего и Вересаев, и Щеголев сочинили не очень чистоплотные книги? Зачем брат Чайковского сам придумал стихи для оперного либретто? Словно в «Евгении Онегине» мало было нужных строк... Теперь широкая публика судит о романе по стихам либреттиста, а не по самому Пушкину. Не такой уж и безобидный этот эпизод в истории нашей культуры. Ведь Александр Сергеевич говорил иначе, чем поется в опере:

Любви все возрасты покорны;
Но юным девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям;
В дожде страстей они свежеют
И обновляются, и зреют —
И жизнь могущая дает
И пышный цвет, и сладкий плод.
Но в возраст поздний и бесплодный,
На повороте наших лет,
Печален страсти мертвый след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.

Согласитесь, что это нечто иное, нежели то, что звучит в арии Гремина. Гениальная музыка Чайковского, конечно, созвучна гению Пушкина, однако либретто делает ему дурную услугу.

Миллионам русских и зарубежных меломанов не мешало бы знать наизусть двадцать девятую главу «Евгения Онегина».

Но и при жизни вспыльчивый поэт часто молчал, когда испытывал сердечные раны, наносимые друзьями и родственниками. Он умел прощать даже дальних недоброжелателей, если те подавали хоть малую надежду поумнеть.

Рапповские критики чекистскими способами делали из

него ярого атеиста, он же тихо, постепенно внедрял в наши сердца религиозное чувство. Быть может, такими стихами, как строки про двух ангелов, он формировал и собственный нравственный облик? Кто знает... Во всяком случае он и по сей день влияет на нас в этом смысле. Для меня, например, он сам был и лицеем, и университетом. Происходило это незаметно, без всякого напряжения, без обоюдных усилий, нежно и ненавязчиво.

Как это свойственно одному ему: с друзьями он порывист, восторжен («Уже двенадцать часов, а мы ни по рюмочке!»), с женой нежен и откровенен. С царем он так же искренен, как с младшим братом. К любовнице он снисходителен, как снисходителен к не шибко умному вельможе и к не очень удачливому стихотворцу. Пушкин буквально во всем легко находит золотое сечение, верный тон и безошибочное суждение.

Со всеми он говорил достойно и честно: с друзьями, с врагами, с женщинами, с архиереями, с царями и полководцами.

«Какая же ты дура, ангел мой!» – говорил он жене в своем письме, отнюдь не предполагая, что потомки, спасая жандармские традиции, будут читать его семейную переписку.

А какое многообразие психических, даже физиологических состояний! Политические, бытовые, религиозные, философские проявления жизни – и все это пронизано поэзией, умом, чувством. В горячке он стреляется даже с друзьями, с царем говорит правду в глаза, при выяснении обстоятельств

великодушно отказывается от дуэлей.

Честь и достоинство, горячность и вспыльчивость так странно уживаются в нем с благородным молчанием при бестактных выпадах недоброжелателей и недоброжелательниц. Не стеснялся он извиниться, когда обижал ненароком своих знакомых. Свойство во что бы то ни стало при любых обстоятельствах быть справедливым не присуще людям средним, хотя и талантливым, один Пушкин обладал этим свойством.

Был, однако, и для него предел благородной сдержанности: преднамеренных оскорблений он не терпит и презирает доносчиков:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Как легко, как свободно ложился Пушкин в целомудренную, ничем не оскверненную детскую память:

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удила?

Или: «Сижу за решеткой в темнице сырой».

Или: «Подруга дней моих суровых».

Или: «Сквозь волнистые туманы пробирается луна».

Помню, очень было обидно, если оставляли после уроков. (Надо было топать домой семь километров по бездорожью.) А тут загнали однажды всю школу в один класс, и учительница по литературе Людмила Александровна Перьева начала вслух читать повесть Пушкина «Выстрел». Самые нетерпеливые, самые голодные озорники затихли и надолго перестали ерзать. Это было нечто иное, чем «Прощай, немытая Россия». Как позже выяснилось из статьи Владимира Бушина, написана «эта Россия» не Лермонтовым, а неизвестно кем. Автографа во всяком случае не существует.

Меткие «выстрелы» делал Александр Сергеевич, ничего не скажешь! Голодные пятиклассники сидели, как замороженные. В повести «Выстрел» и всего-то страниц двенадцать. «Рославлев» тоже не больше, а в «Капитанской дочке» – сколько страниц, господа современные критики? Но как прекрасны и точны пушкинские сюжеты, как возвышенны чувства, как чист и целомудрен язык! Вот бы так и нынешним писателям...

Целомудрие Александра Сергеевича вообще изумительно, духовная гармония соблюдена даже в самых трагических («Пир во время чумы»), иногда и не очень симпатичных сюжетах (как в «Дон Жуане» или в «Скупом рыцаре»).

Даже путевые очерки читаются с захватывающим азар-

том. Откроем «Путешествие в Арзрум», там южный воздух «кипит» и нравы вооруженных горцев тоже кипят, как в наши дни. Пушкин замечает: «Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено».

У Пушкина ничего нет лишнего и ничего неуместного, даже в незавершенных рукописях. Всеядным его тоже нельзя назвать, он был разборчив и строг, он безжалостно выбрасывал не только абзацы, но иногда множество страниц, чтобы соблюсти композицию или не дать лишнего повода для зубоскальства неумных и злобных критиков.

Старуха в «Сказке о золотой рыбке», пожелавшая стать папой римским, ограничилась «морскою владычицей» – этот кусок с папой Пушкиным выброшен. Из «Путешествия в Арзрум» автор без сожаления убрал великолепную сцену встречи солдат-земляков. Одни казаки, служившие три года, возвращались домой с Кавказа, другие туда направлялись. Увидав эту встречу, Пушкин интересуется семейными новостями, сочувствует тем, кому жена изменила:

«— Каких лет у вас женят? – спросил я.

– Да лет четырнадцати, – отвечал урядник.

– Слишком рано, муж не сладит с женою.

– Свекор, если добр, так поможет. Вон у нас старик Суслов женил сына да и сделал себе внука».

Кто из современных прозаиков смог бы пожертвовать подобной сценой в рассказе или простом очерке?

Укажите хотя б одного, и я тогда соглашусь, что русская литература еще не совсем опозорилась.

Число пушкинских лицеистов выросло в наше время до грандиозных размеров...

Не институт на Тверском бульваре, а Пушкин выталкивал на писательскую стезю, один он удерживал многих на этой скользкой дорожке. Только все ли мы и денно и ночью помним его бессмертный завет:

Веленью божию, о муза, будь послушна.
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Он же, А. С. Пушкин, божественными, но в то же время и земными словами будил сонное сердце во дни унылого малодушия. Не устами ли Пушкина самим Творцом велено каждому, владеющему умом и природным даром?

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Притча о зарытом в землю таланте особенно целебна для русских, склонных из самоуничтожения оправдывать собственное бездействие. Не удержусь от скучной сентенции:

именно такая жизнь очень скоро становится жизнью ленивой, и тогда вдохновение свыше не слетает ни к прозаику, ни к поэту. А что такое это самое божественное вдохновение? Пушкин тоже, видимо, грыз гусиные перья, но как никто другой изведаль это высокое состояние души.

А. К. Толстой говаривал, что вдохновение является на зыбкой грани яви и сна, в полусне:

Лови ж сей миг, пока к нему ты чуток,
Меж сном и бденьем краток промежуток.

А. С. Пушкин сказал бы о вдохновении совсем по-другому, он связывал это состояние с призывом небес:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон...

Вероятно, один Федор Тютчев был самым лучшим охранителем треножника, «в детской резвости» колеблемого толпой.

Как только ни пытались погасить этот треножник, этот чистый и спасительный жертвенник! Коптящий, едкий дым рационалистического прогресса затмил знаменитую оду Гаврилы Державина. Пушкин возродил и обвешил державинскую стезю, но уже моему поколению пришлось зубрить «Эстетические отношения» Чернышевского. Больше на стеллаже никого не было: ни Достоевского, ни Леонтьева, ни Ива-

на Ильина.

Русская эстетика, повергнутая ниц еще в XIX веке, возрождалась медленно, туго. Хорошо, что хоть как-то она сохранилась. Л. А. Тихомиров в статье памяти Говорухи-Отрока о возрождении подлинной, то есть эстетической, критики писал: «Мерило прекрасного есть вечное... Только ощущая в себе голос «вечного», он (художник. – В. Б.) творит художественное... Ни красота, ни правда не умирают, и только то есть красота и правда, что не умирает. Собственно говоря, и красота, и правда, и жизнь – разные названия одного и того же явления, которое, в свою очередь, есть не что иное, как проявление Божества».

Но либералы и прогрессисты и сто лет назад не могли допустить, чтобы русская молодежь читала и перечитывала вслед за Чернышевским Льва Тихомирова. Был, правда, и Лев Толстой, все равно тогдашнее русское общество заражено было проказой чужебесия, которую так презирал А.С. Пушкин. Эстетическими законодателями в русском обществе были и при Тихомирове такие западные писатели, как, например, Эрнест Ренан, который в предисловии к своей трагедии писал: «Не претендуя создавать художественную драму, я хотел только создать нечто в роде драмы. Форма драмы – самая лучшая в литературе».

Можно представить, что сказал бы Пушкин о таком драматурге, примеряющем лавровый венок Шекспира!

А что бы сказал А. С. Пушкин в связи с неумной шуми-

хой, поднятой по поводу слова жид и генерала Макашова? Поэт пользовался этим словом, как в стихах, так и в прозе, подобно Гоголю, Лермонтову и другим классикам. Какова разница между словами жид и еврей? Не грозит ли и слову еврей та же участь, что и слову жид, которое превратилось почему-то в ругательство?

Архип Лысый – доморощенный поэт из «Села Горюхина» мог писать стихи не только правой, но и левой рукой. Подобно Архипу, Пушкин мог бы, вероятно, и левой ногой написать убийственную эпиграмму на кого угодно, хоть на царя, хоть на жида. Даже мата он не боялся (прочтите вторую строфу из «Телеги жизни», если возникнет сомнение).

История же Горюхина – это история России в нынешних обстоятельствах. Сначала «мрачная туча висела над Горюхиным, а никто об ней и не помышлял». Но вот «въехала в село плетеная крытая бричка, заложенная парюю кляч едва живых; на козлах сидел оборванный жид...»

Далее описывается правление нового приказчика. Приезжий рассуждал так: «Чем мужик богаче, тем избалованнее, чем беднее, тем смиреннее». «Он потребовал опись крестьянам, разделил их на богачей и бедняков...» «Мирские сходки были уничтожены... Сверх того, завел он нечаянные сборы...» «В три года Горюхино совершенно обнищало... Горюхино приуныло, базар запустел... Ребятишки пошли по миру». Чем не ельцинская перестройка?

Перечитайте «Историю Горюхина» и сами увидите... А

как таинственна замысловатая птица, начертанная гениальным пером в рукописи вместо заставки! Петух или коршун? Похожа ли она на самоуверенного стервятника, решай сам читатель.

«Горюхино» не было закончено. Рукопись с заставкой опубликована после гибели Пушкина. Сюжет с историей горюхинского села чисто русский, и завершен он, я думаю, не кем иным, как Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в главе о Савелии – богатыре святорусском, который

..в яму немца Фогеля
Живого закопал...

Для всех, чувствующих Россию и не поверхностно владеющих языком нашим, Пушкин многолик и неподражаем. Необходим он и для самых малых деток («Белка песенки поет да орешки все грызет»), и для самых старых и мудрых («В степи мирской»), для больных («Я ускользнул от Эскулапа»), для впервые влюбленных девиц («Ты вянешь и молчишь»), для ловеласов («Дриаде»). Незаменим Пушкин для солдат и спортсменов, для студентов и генералов, для депутатов и бандитов, для цыган и банкиров... Нет в мире сословия или ранга, которых он не коснулся бы и не увековечил. Даже гадалки и ведьмы присутствуют в его прозе и поэзии, и попробуй их выкинь из пушкинских страниц. Не выкидываются!

За что ни возьмись у Пушкина — все ясно и чисто, хоть сказка, хоть стихи о любви, хоть историческое раздумье...

Не будем сейчас вспоминать его статьи, письма, записи, оставим пока в покое такое произведение, как почти публицистическое гневное обращение к клеветникам России. А «Свободы сеятель пустынный» или «Дар напрасный, дар случайный»? Каждая строчка из подобных пушкинских сочинений вызывает к нашему сердцу, к медленным размышлениям. Но зачем отнимать последний хлеб у записных критиков, литературоведов, историков? Нескладная моя статья лишь малая дань великому российскому юбилею...

Гримасы двуликого Януса

И совсем не случайно к январю, первому месяцу года, прилепилось его бессмертное имечко. Увы, увы, как говорится... Двуликий Янус олицетворял у древних концы и начала. Входы и выходы. Войну и мир. Прошное и будущее. Как видим, все и вся, но обязательно в паре противоположных понятий. (По-видимому, римляне были намного ближе к Гегелю, чем нам представляется.)

Обзывая научно-технический прогресс Двуликим Янусом, можно ли избежать той опасности, что тебя самого тотчас не обзовут либо ретроградом, либо мизантропом, либо еще как-нибудь? Очень трудно избежать этой опасности, хотя двуликость научно-технического прогресса очевидна. Человечество настолько заморожено этим научно-техническим прогрессом, настолько оно забыло о прогрессе нравственном, что исчезает, как мне кажется, и само понятие прогресса.

Христианство не зря связывает двуличие с дьяволом. Здесь речь о нравственном двуличии. Математические же и кибернетические свойства пары, плюса и минуса, сочетания и взаимодействия этих пар позволили создать грандиозные компьютеры, способные моделировать самих себя, а заодно и нас с вами. И еще не известно, чего в этом больше, хорошего или плохого. Да и как не вспомнишь тут апостола Иоанна,

его откровение, восемнадцатый стих из главы тринадцатой?

Говорить о взаимоотношениях научно-технического прогресса и христианской (православной) нравственности я могу только с глубочайшим пессимизмом. Оба эти явления представляются мне антагонистами. Симбиоз научно-технического прогресса и христианской (православной) нравственности, на мой взгляд, невозможен.

Не знаю, что думает и чувствует православный глубоко чувствующий патриарх, садясь в «Боинг», чтобы за несколько часов преодолеть расстояние в половину земного шара. Но я знаю примерно, как мыслит сидящий рядом с ним академик-атеист, изобретающий компьютерные системы. Этот наверняка горд за свои детища, он в восторге от успехов научно-технического прогресса, он смело смотрит в будущее человечества и убежден, что останавливать научно-технический прогресс настолько же вредно, насколько и невозможно. Мировоззренческая пропасть, зияющая между верующим и атеистом, по-моему, непреодолима. Их понимание человеческого счастья, смысла и цели жизни – несовместимы и взаимно уничтожаются. Мне думается, что свобода выбора, данная Творцом, до сих пор не осознана человечеством. Люди стихийно, по-младенчески наивно избрали легкий, приятный, однако гибельный путь научно-технического прогресса. Чем же был обусловлен этот выбор, ведущий к апокалипсису? Мне кажется, всего лишь одним: стремлением к ничем не ограниченному комфорту. Люди оправдывают

такое стремление стремлением к счастью. Но тут сам собой встает новый вопрос: что же такое счастье?

К. Маркс как-то сказал, что счастье в борьбе. С кем и с чем он боролся и как он это делал, понятно теперь многим, хотя и не всем. А друг Маркса Энгельс кликушествовал еще в прошлом веке совершенно в духе фюрера и нынешних демократов, пропагандирующих жандармские свойства НАТО. Вот что он писал когда-то:

«Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно.

Да, ближайшая всемирная война сотрет с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом.

...Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор».

«Славянские земли Австрии» понимались Энгельсом как земли нынешней Югославии... Но Европа, к счастью, знаменита не одними марксистами.

Великий Паскаль, размышляя о счастье, делит людей на три группы. Он говорит: «Одни обрели Бога и служат ему, эти люди разумны и счастливы. Другие не обрели Бога, но ищут Его, они разумны, но еще несчастны. Третьи не ищут Бога вообще, они безумны и несчастливы». Таким образом, Паскаль отождествляет человеческий разум с верою в Бога

и ставит счастье человека в зависимость от веры и разума. Он не говорит о количественном соотношении этих групп, но это нам и так ясно. Ясно, что число людей первой группы ничтожно мало по сравнению с количеством людей в двух последующих группах. Разумеется, понятия о счастье у трех этих групп совершенно не схожи. Отношение к комфорту, исходя из этого понимания, тоже разное. Интересно, что люди третьей паскалевской группы зачастую считают несчастными людей первой группы, злятся на них, всячески пытаются «вразумить», перетащить их в свою наиболее многочисленную компанию.

Давно и безуспешно пытаются некоторые философы говорить о пользе, необходимости и красоте физического труда, но почти никто их не слушает. Человечество словно бы задалось целью механизировать, автоматизировать да и вообще ликвидировать мускульные усилия. Комфорт и удобство стали главным критерием благополучия... Между тем физический труд (не путать с физкультурой и спортом) – одно из главных условий выживаемости человека. Да и нарастания общественного эстетического и материального богатства вряд ли возможно без такого условия. Труд, каким бы он ни был тяжелым или грязным, всегда духовная категория. Легенда о сизифовом камне лишь подтверждает эту духовность.

Чтобы поверить в эту в общем-то банальную истину, вовсе не обязательно вспоминать православных святых, исих-

астов, подвижников Фаваиды и Афонской горы. Мне, к примеру, достаточно представить жизнь моей бабушки Александры Фоминишны или одного из моих прадедов – Михайлы Григорьевича Коклюшкина. Обоих явственно помню и осмелюсь сказать о красоте тяжелого и грязного труда. (Например, летняя вывозка навоза.) Эстетическая сторона этой работы, конечно же, недоступна современному прогрессисту, доверяющему своему носу больше, чем нравственному чутью. Ему не понять, как отрадно, как счастливо чувствует себя отдыхающий после такого труда крестьянин (христианин). Когда весь навоз (говорилось – назем) перекочевывал из деревни в поле, когда в хлеву стало на полсажены просторней и можно затопить субботнюю баню.

Зимой даже у самой бедной избы снег был раскидан и подметен. Граф Лев Николаевич Толстой тоже сам раскидывал снег в Хамовниках. Но вот в нынешней Москве или Оттаве лопату взять не побоятся одни дворники, да и то не все. Зато во множестве пишутся и публикуются статьи о биоритмах, о биоцикличности, защищаются целые диссертации о режимах сна и питания. Медики поголовно твердят о пользе водных процедур и произвольных телодвижений, то есть физкультуры, призывают ложиться и вставать в одно и то же время, убеждают в том, как полезно человеку не только ходить пешком, но и бегать. И все это преподносится как только что научно открытое и прогрессивное.

Но моему прадеду вовсе не требовалось выписывать жур-

нал «Здоровье», чтобы ежедневно зимой расчищать снег и каждую субботу ходить в баню. И если я добавлю к этому, что Михайло Григорьевич всю жизнь пил после бани не что иное, как хлебный квас и прожил весьма долгую жизнь, то не рискую ли тотчас прослыть приверженцем так называемого квасного патриотизма? Едва начнешь говорить правду о крестьянском быте, как многие начинают ерзать на стульях, беспокоиться и выискивать в словарях синонимы к слову патриархальщина. «Ату его! – кричат идеологические и технические прогрессисты. – Он же идеализирует прошлое!»

Нельзя сказать, что православным сознанием запрещалось стремление к облегчению тяжелого труда, стремление к удобствам. Русский крестьянин, во-первых, никогда не хватался за непосильную ношу. Во-вторых, не отрицал он и многочисленных способов облегчения, применяя смекалку и традиционные навыки. Не брезговал он и удобствами быта, если они не противоречили христианской нравственности. При этом сельский труженик, понятия не имея о юридических законах по экологии, весьма бережно относился к природной среде. Он считал также великим грехом добиваться жизненных удобств не за счет собственного труда, а за счет труда соседа. Ближний или дальний сосед – это не имело значения. (Вспомним, что думают идеологи т. н. «золотого миллиарда».) Ясно, что православное отношение к комфорту отличается, например, от протестантского. Разница тут принципиальная. И хотя говорить на эту тему с людьми тре-

твей паскалевской группы почти безнадежное дело, рискну процитировать высказывание Клода Бернара. Он утверждал: «Как бы далеко ни ушла опытная наука, как бы ни велики были ее успехи и открытия, но она не в состоянии, не переступая собственных границ, ответить о первичной причине всего, о происхождении материи и жизни и о конечной судьбе вселенной и человека».

Может ли опытная наука, не переступив собственные границы, признать свое бессилие, осознать безнравственность безудержного комфорта и опасность научно-технического прогресса, который так стремительно истощает естественные возможности планеты? Сомневаюсь. Ученые, инженеры, экспериментаторы из третьей паскалевской группы каяться не приучены. О таких ученых, как Паскаль, они стараются помалкивать. О ненасытных потребностях и научных замашках т. н. «Золотого миллиарда» СМИ тоже говорят либо сквозь зубы, либо совсем ничего.

Недавно по счастливой случайности попала мне в руки книга архиепископа Никона, бывшего когда-то епископом Вологодским и Тотемским. Она называется «Православие и грядущие судьбы России», составлена священнослужителем и писателем Ярославом Шиповым. В одной из статей подробно комментируется труд англичанина Табрума «Религиозные верования современных ученых». Табрум приводит множество высказываний о том, что наука вовсе не противоречит Священному Писанию, а Священное Писание толь-

ко помогает науке. Как говорят, дай-то бы Бог, но покамест подобные мысли не в чести.

Меня могут спросить, а виноват ли научно-технический прогресс, что забегают вперед, что он всегда впереди нравственного совершенствования? И я скажу. Да, виноват. Люди впадают в жестокий самообман, ставя телегу впереди лошади.

Тот, кто захочет полемизировать с такой посылкой, пусть прочтет мои книги «Раздумья на Родине» и «Внемли себе», так как повторяться занятие малоприятное. Эпиграфом к своей статье «Ремесло отчуждения» («Новый мир», № 6, 1988) я уже приводил слова Н. Федорова: «Эксплуатация, истощение, утилизация вынуждают задаться вопросом: ради чего, на какую потребу тратятся многовековые запасы Земли? И оказывается, что все это нужно для производства игрушек и безделушек, для забавы и игры. Приходить от этого в негодование, конечно нельзя; нужно всегда помнить, что мы имеем дело с несовершеннолетними, хотя бы они и назывались профессорами, адвокатами и т. п.»

Ученые просто жаждут открывать тайны. Открывать просто так, в азарте чуть ли не спортивного интереса. Они говорят примерно так: «Если не я открою эту тайну, то все равно откроет кто-нибудь другой, помимо меня. Так уж лучше открою я». Спрашивается, все ли тайны разрешается открывать нравственным православным законом? Нет, не все.

Что же вы предлагаете, спросят меня прогрессисты, на-

зад в пещеры? Вовсе нет. Все еще существует альтернатива. И человечеству, если оно хочет выжить, все же придется хотя бы слегка попятиться. Не надейтесь, господа блюстители «Золотого миллиарда», ни на африканскую саванну, ни на сибирскую тайгу или тундру с их минеральными и растительными запасами. Эти запасы если и не совсем исчерпаны промышленностью т. н. развитых стран, то хватит их все равно не надолго. Комфортабельные условия рано или поздно придется урезать, если *homo sapiens* рассчитывает жить в четвертом тысячелетии.

Всемирная урбанизация по своим глобальным масштабам явление ни с чем не сравнимое, грозное и по общепринятым понятиям тоже необратимое. Но Николай Федоров писал, что «В санитарном отношении города производят только гниль и затем почти не превращают ее в растительные продукты; следовательно, отдельное существование города должно давать перевес процессам гниения над процессами жизни... По мере увеличения городов вопросы санитарный и продовольственный будут принимать все более острую форму, становиться все жгучее и жгучее». Ах, только ли санитарный и продовольственный!

Мне представляется, что научно-технический прогресс идет рука об руку с глобальной урбанизацией и с глобальной милитаризацией, кои ведут человечество напрямую к всеобщей гибели.

Однако есть ли в действительности альтернатива совре-

менному городу? На мой взгляд, она существует, но это тема для отдельного разговора...

Если говорить о политике, то, как мне кажется, перспективна в мире всего лишь одна партия – всемирная партия зеленых. (Имеется в виду не зеленое знамя пророка, а зеленое поле мирного хлебопашца.)

Я призываю пока лишь развеять три популярных мифа:

1. Миф о безальтернативности выбранного нами пути.
2. Миф о несовместимости науки и веры в Бога.
3. Миф о нравственном нейтралитете науки.

Архитектура и государство

Помнят ли наши читатели межрегиональную депутатскую группу, наскоро слеplенную из разношерстных предателей государства. Пестрая была публика. Как говорится, с бору по сосенке. Сварганили ее поповы и афанасьевы. В ней-то и выбродил, оброс плотным защитным панцирем главный разоритель великой страны. А уже около него сконцентрировались все главные московские плуты и жулики вроде Рыжова, посланного караулить разрушение страны в Париж. Горчаков, да и только! Сделали его не кем иным, как аж полномочным послом.

(Рыжов, как Яковлев, обученный в Канаде, быстренько выучился на средней руки архитектора перестройки. Где-то он нынче?)

Межрегионалы то и дело устраивали в Москве демократические тусовки... И зря, очень зря, «россиянские» подданные недооценили эту сперва жалкую группу! Они, межрегионалы, произвели на свет несчетное число маленьких крокодильчиков, стремительно выросших в зубастых безжалостных аллигаторов. Они-то и начали хватать все живое подряд, выползая на речные и океанские отмели государства, которое совсем не ими создавалось целое тысячелетие.

Тусовки начинающих демократов, возглавленные Поповым, Афанасьевым и еще безвластным Ельциным, проходи-

ли почему-то в Доме кино. Вот и в тот раз в этом безблагодатном «доме» собрались только что вылупившиеся архитекторы. Они приняли там так называемую хартию, призывающую бороться за власть. «Эффективное государственное устройство» – так называлась пятая статья этой хартии. Первый подпункт пятой статьи гласил: «Освобождение от культа государства, его верховенства в общественной жизни». Иными словами, долой государство во имя общественной жизни! Для будущих крокодилов важно было не государство, а всего лишь общественность.

Прикарманили демократы и само понятие общественности, словно в обществе никого и не было, кроме Попова, Афанасьева и Ельцина. Можно было тогда представить, что получится, если они придут к власти, возьмут государственное кормило в свои цепкие лапы. Жалка была попытка ГКЧП предотвратить угрозу государству! Буквально через несколько недель «крокодилчики» захватили власть, чтобы разметать в стороны великое государство, которое создавалось не ими. И началась у нас, так сказать, общественная, а не государственная жизнь.

Вот какие архитекторы-перестройщики стремительно явились в Москве. Какую архитектуру в прямом и переносном смысле повлекли они за собой, это видно без оптики, даже без обычных очков, достаточно заглянуть на Манежную площадь... Боже праведный, чего тут не нагорожено! За одних звероподобных церетелиевских жеребцов (или кобыл?),

воздвигнутых у входа в Манеж, надо сажать скульптора, а с ним и градоначальника в холодную!

А кроме дьяволоподобных истуканов на площади громоздятся нелепые полусферы, бетонные переходы, аляповатые барьеры, грозные парапеты. Торчат всюду всевозможные то ли штыри, то ли фонари, и все это наверху, а чего не наворочено еще и под землей! Поневоле припомнишь сдержанную простоту и просторный облик прежнего Манежа, олицетворявшего в соседстве с Кремлем всю столицу и все величие Российского государства...

Нельзя сказать, что горбачевско-ельцинская перестройка в архитектуре началась недавно, с Лужкова и с Церетели. Все началось намного раньше, когда в 20-х годах прошлого века по плану монументальной пропаганды начали по всей России взрывать национальные шедевры: храмы и целые монастыри. О начале такой всемирной перестройки до сих пор вопит масонский обелиск, стоящий в Александровском саду вблизи царского грота. (Ни этот грот, ни обелиск не свидетельствуют о высоком архитектурном вкусе, но выстояли на перекрестках времен.)

Примечательны имена двадцати перестройщиков, запечатленные на обелиске. Эти люди и были, по тогдашним понятиям, архитекторами мировой истории. Попробуем перечислить их имена. Сверху начать или снизу? Лучше, вероятно, начать сверху. Читатель мысленно каждого оценит и прокомментирует тоже каждое имечко. Итак: Маркс, Эн-

гельс, Либкнехт, Лассаль, Бебель, Кампанелла, Телье, Уиншлей, Мор, Сен-Симон, Вальяр, Фурье, Жорес, Прудон, Бакунин, Чернышевский, Лавров, Михайловский, Плеханов. Половина их давно забыта либо совсем неведома столичным жителям. (Некоторые, вроде Вальяра и Уиншлея, не попали даже в Большую советскую энциклопедию.) Последняя пятерка имен пристегнута архитекторами, наверное, в угоду русским: кто бы иначе стал свергать со звонниц многопудовые колокола, вручную сверлить шурфы в могучих соборных стенах, чтобы закладывать динамит, кто бы стал крошить кувалдами колокола и кресты, жечь иконы и книги? Много предстояло труда! Не будут же все это делать кремлевские сидельцы вроде Свердлова или Бухарина! Кто отбирал имена этого «золотого» пятиалтынного? Бог весть... Обелиск, однако, стоит, как стоит на Поклонной горе и церетелиевская игла, а что нацеплено к этой игле, какой комар или иной какой дух поднебесный, никому не ведомо. Москвичи равнодушно ходят и ездят мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.